

ЕЛЕНА САУЛИТЕ

ШВЕЙЦАРСКИЙ СЧЕТ

16+

Елена Саулите
Швейцарский счет

«Елена Саулите»

2021

Саулите Е.

Швейцарский счет / Е. Саулите — «Елена Саулите», 2021

Одна из тех книг, что читаются на одном дыхании. Изящная и будоражащая проза. Действие разворачивается на курорте Гриндевальд в Швейцарии, что для российского автора весьма необычно. Мелодраматичное начало, когда юная провинциалка, грезящая карьерой модели, приезжает в Москву и после неудачных попыток продвинуться в модельном бизнесе принимает предложение одного из богатейших людей России стать компаньонкой его неизлечимо больного сына, неожиданно сменяется полной драматизма и жестоких необъяснимых убийств историей. Повествование столь ярко, оригинально и увлекательно, что не позволяет оторваться, пока не будет перевернута последняя страница...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена Саулите

Швейцарский счет

Глава первая

Ослепительное сияние девственно-белого снега и оглушительная, неземная тишина... Склоны альпийских ледников, похожие на гигантские пасхальные кулички, безмятежно покоились под куполом холодной голубой бесконечности. Желтые лучи зимнего солнца едва ощутимо грели оконное стекло, Алиса потрогала его кончиками пальцев и недоуменно покачала головой.

– Солнце в ледяной пустыне – обалдеть, – прошептала она.

Не в силах оторваться от завораживающей картины ледяной вечности, Алиса приникла лбом к прохладному окну и замерла в благоговейном восхищении.

Швейцария. Гриндельвальд. Бескрайние снежные просторы и полное безлюдье, будто Алису занесло на край света. А ведь в ста километрах от их уютного шале – Берн и международный аэропорт, откуда они с Марком добирались в умопомрачительном лимузине с диванами, баром и спутниковым телевидением.

– Можно было на поезде, – рассуждал Марк, развалившись на мягкой сливочной коже заднего сиденья. – Но мне хотелось тебя побаловать.

Последние полтора месяца Алисе с трудом верилось в происходящее. Она – обыкновенная девятнадцатилетняя девчонка, чьим главным жизненным достижением был титул «Мисс Тверь-1993», она и Венеция, она и Париж, она и элитный курорт Гриндельвальд, она и сын одного из богатейших людей мира Лейба Фридмана. Она – жена его сына! Чудесный сон. Рождественская сказка про Золушку. А вот, поди ж, ты... Алиса сильно ущипнула себя за ухо, чтобы проверить, не сон ли это в самом деле, зашипела от боли, но все осталось на своих местах – и худощавое тело Марка, разметавшееся на синих шелковых простынях, и далекие пестрые крыши Гриндельвальда, и приближающееся Рождество с подарками, которых Алиса ждала с замиранием сердца. Марк обещал подарить ей нечто, о чем она и мечтать не могла. Так и сказал:

– Ты в обморок упадешь, готовься.

Зеленые, как альпийские луга, глаза Алисы молили:

– Скажи. Не мучай.

Но он только тихо смеялся, нежно целуя ее прозрачные пальцы:

– Нет, нет, Лиса, – так он прозвал ее с первого дня знакомства, – не могу. Это сюрприз.

Сверкающий ореол далекой вершины Шильтхорн, самой высокой горы Гриндельвальда, притягивал взгляд. Марк, теща эго всезнайки, любил блеснуть эрудицией и рассказывал Алисе о Швейцарии много занимательного. К примеру, он знал, что здесь в Гриндельвальде проложена самая высокогорная железнодорожная ветка в мире, и ведет она к перевалу Юнгфрауйох.

– А на перевале расположена самая крупная в Европе звездная обсерватория, оснащенная мощнейшим телескопом, – с гордостью продолжал он. Он так расхвастался, что Алиса не удержалась и уколола:

– Ты говоришь так, будто сам ее построил.

– Какие мои годы! Еще и не такое построю. И знаешь, как назову?

– Ну?

– Лиса!

– Дурашка ты, – звонко хохотала Алиса.

Боже, вот она Швейцария! Страна банков, лучших в мире часов, вкуснейшего шоколада и чудес. И Алиса. Алиса в стране чудес! Невероятно! Дух захватывает!

Алиса лихо крутанулась на одной ноге и взвизгнула от восторга, опомнившись, испуганно прикрыла рот ладонью и оглянулась на, мерно посапывающего Марка, он зашевелился было, но тут же затих. Алиса решила не будить новобрачного, они были женаты всего-то шесть дней, потихоньку оделась и на цыпочках вышла из комнаты. Шале было в два этажа, на первом – кухня и столовая, на втором – две небольшие спальни.

Снизу доносился звон тарелок, домовитое шкворчание масла на сковороде, и монотонное шарканье прислуги. В воздухе витал терпкий, ни с чем несравнимый аромат свежемолотого кофе. Ингрид, мужеподобная женщина неопределенного возраста с топорным лицом и большими жилистыми руками, приходила в восемь часов утра, готовила, убиралась в доме, подавала на стол, а в пять вечера с поистине швейцарской точностью удалялась. Жила она в соседней деревушке Лаутербрюннен, что раскинулась у подножия Шильтхорн в четырех километрах от их шале. Обыкновенно Ингрид перемещалась на мотосанях. Алису от души забавляло, когда крупная, похожая на гренадера, Ингрид в пуховой куртке, высоких теплых ботинках, замотанная в шерстяную шаль по самые глаза, седлала своего механического коня и включала зажигание. Два-три коротких чиха двигателя, и она срывалась с места, бешено несясь по ледяной пустыне и взметая за собой столб радужной снежной пыли. Деревенская крестьянка верхом на мотосанях была предметом их с Марком постоянных шуток.

Сбежав по узкой деревянной лестнице, Алиса заглянула в кухню. Возившаяся с тестом для круассанов, Ингрид обернулась и приветственно кивнула, ее выцветшие серо-голубые глаза неодобрительно уставились на полураздетую Алису. Громко чихнув, женщина утерлась тыльной стороной ладони и громко заговорила по-французски, тыча узловатым, испачканным мукой пальцем в окно. Алиса озадаченно уставилась на женщину, потом перевела взгляд на окно и радостно улыбнулась:

– Бонжур, Ингрид. Погода манифик. Шарман, – попыталась она выразить свою мысль на смеси русского и французского.

Швейцарка сердито кивнула, и ее длинные прямые, точно проволока, волосы упали на лицо. Большого она от Алисы и не ждала. Бернский кантон, один из двадцати шести кантонов Швейцарии разговаривал преимущественно по-немецки, Ингрид была одной из немногих в деревне, кто говорил на французском. А чего ждать от русских? Слава богу, хоть понимают!

В ожидании завтрака, Алиса решила прогуляться по окрестностям. Она проворно забралась в пухлый лыжный костюм, собрала длинные волосы в пучок, натянула вязаную шапку с помпоном и, махнув Ингрид рукой, отправилась на прогулку. Выйдя на улицу, невольно зажмурилась, солнце – яростное, неудержимое – слепило глаза. Алиса вспомнила прошлогоднюю телепередачу, где ученые объявили, что обнаружили трещину на солнце. «Оно, светило, – авторитетно вещал седой академик с экрана, – грозит взорваться в любой момент, и шансов спастись нет. Апокалипсис на пороге!». Тогда, сидя на шестиметровой кухне крохотной квартиры, девушка злорадно потирала руки: «Ага! Значит, судный день грядет, где все будут равны: и бедные и богатые! Так оно! Солнце не купишь. Значит, всем конец! И вам, господа олигархи, тоже! А то плавают, гады, в нефтяных бассейнах и думают, что сам черт им не брат!». То, что ей, Алисе Вересаевой, в этом случае тоже крышка, девушке тогда в голову не пришло. Уж очень устала от нищенской жизни на копеечную зарплату мамы – рядовой школьной учительницы. Жили они вдвоем, отец бросил семью, когда Алисе было два года, и больше в их жизни никак не проявлялся. Типичная российская ситуация. Росла она обыкновенной девчушкой, веселой, послушной, хорошо училась – у мамы учительницы не забалуешь, когда ей исполнилось четырнадцать и начался период полового созревания, она с удивлением обнаружила, что все окрестные мальчишки, парни и даже мужчины постарше не сводят с нее восторженных глаз и откровенно родеют в ее присутствии. К пятнадцати она уже прекрасно сознавала силу

своей привлекательности, эту безграничную «мягкую власть» над противоположным полом. Всеобщее поклонение вскружило ей голову. Несмотря на то, что они с мамой продолжали экономить каждую копейку (даже колготки в морозилку клали, чтобы дольше носились), вообразившая себя Ким Бесинджер, Алиса сделалась нагловатой и высокомерной, частенько обижала мать, хотя видела, как та тянет из себя последние жилы, чтобы заработать. Но денег постоянно не хватало, за три дня до зарплаты они всегда ели «голые» макароны без масла. Тяжело было. Ох тяжело. Теперь, когда колесо фортуны совершило магический оборот, и она очутилась в клане олигархов, ее радикалистские взгляды съежились, полиняли и плавно трансформировались в широкие демократические, а если называть вещи своими именами, то попросту ханжески «мимикрировали». Алиса поежилась, в столь счастливый момент думать о социальной несправедливости, глобальных катастрофах и собственном меркантилизме и малодушии не хотелось. Она досадливо отмахнулась от непрощеных воспоминаний и поспешила в сторону темнеющих справа въездных ворот. Мерзлый снег обиженно визжал под ногами, солнце слепило, морозный воздух обжигал ноздри.

Выйдя за пределы усадьбы, Алиса осмотрелась – узкая, извилистая, уходящая вдаль дорога, и ни души вокруг. Только обглоданные ветрами заиндевелые деревья по обочинам. Холодно и стерильно как в операционной.

«Жутковато как-то», – подумала она и, немного потоптавшись, двинулась в сторону видневшейся впереди Шильтхорн.

– Туда. Там канатки, лыжи, люди, – вполголоса приговаривала она на ходу. – Там жизнь.

Добравшись до ближайшего дерева, девушка остановилась. Старый заледеневший вяз тянул скрюченные пальцы ветвей к равнодушному зимнему солнцу, будто моля о благодатном тепле. Алиса подошла к дереву, обняла покрытый изморозью ствол руками и пожалела старика:

– Потерпи, дедушка. Через пару месяцев оттаешь, согреешься и оживешь. Молодые листочки будут шептаться в твоей кроне под дуновение летнего ветерка. У тебя все будет хорошо. Как у меня. Не веришь? Правда-правда, – Алиса запрокинула голову и вгляделась в искореженные временем сучья. – Еще три месяца назад я думала, что пропадаю, а теперь... – и она зажмурилась от внезапно накатившего счастья.

Все началось три месяца назад. Хмурым октябрьским утром после очередного неудачного кастинга, на котором ей посоветовали не выщипывать брови, покрасить волосы и набрать два килограмма, Алиса понуро вышла из дверей модельного агентства «Евростиль» на Кузнецком мосту и медленно побрела в сторону метро. Два месяца бесплодных скитаний по московским агентствам и житья на съемной квартире в Перово у глуховатой старушки Аиды Степановны истощили ее как морально, так и материально. В беготне по бесчисленным модельным заведениям и ночным клубам сияющая мечта о головокружительной карьере модели потускнела и поистерлась, работа не находилась, а вместе с копившимися неудачами росла и неуверенность в себе. Неласковая московская жизнь спеси здорово поубавила, зато научила держать удар. Возвращаться домой к маме с ее оскорбительной учительской зарплатой и доисторическими взглядами на жизнь не улыбалось. И она не сдавалась. По утрам, разглядывая себя в зеркале, Алиса видела бледное худое лицо и огромные, полные щенячьей тоски глаза, обведенные фиолетовыми кругами.

– Зато экономия на косметике. Никакие тени не нужны, – вяло шутила она, собираясь в очередной поход.

– Избегалась совсем, – качала головой жалостливая хозяйка квартиры Аида Степановна. – Иди официанткой в «Колизей», хоть кормить будут бесплатно.

«Колизеум» называлось претенциозное кафе на углу их улицы, хозяин заведения Тофик давно заметил красивую худышку и при каждой встрече предлагал ей работу на «взаимовыгодных условиях». Об истинной подоплеке «взаимовыгодных условий» Алиса догадывалась, потому вежливо, но твердо отклоняла предложения кавказца.

На улице сеял мерзкий холодный дождь, зонта у девушки не было, но расстроенная Алиса не чувствовала ни резких порывов октябрьского ветра, ни онемевших от ледяного дождя пальцев, она понуро плелась по мостовой, то и дело оступаясь в лужи. Уныние и обреченность, пустота и растерянность царили в неокрепшей душе девятнадцатилетней девочки. Неумолимый, жестокий город сдавил ее бетонными челюстями, грозя раздавить.

– Смотри не подавись! – с неожиданной силой пригрозила ему Алиса. – Выживу я. Все равно выживу.

– Здравствуйте, Алиса, – низкий с хрипотцой голос, прозвучавший за спиной, заставил ее вздрогнуть и обернуться.

За спиной никого не оказалось, а в метре от нее на проезжей части застыло длинное блестящее тело черного лимузина с тонированными стеклами. Алиса растерянно захлопала глазами, силясь сообразить, не послышалось ли ей.

– Подойдите, Алиса. Я здесь, в машине, – в голосе зазвучали нотки раздражения.

Похоже, обладатель голоса был человеком властным и привык к безоговорочному подчинению.

Алиса наконец сообразила, что голос доносится из крокодилоподобного авто, так как одно из окон оказалось приспущено, именно оттуда с ней и разговаривали. Она осторожно двинулась к машине, раскисшие от сырости сапоги предательски чавкали, отчего Алиса чувствовала себя еще более жалкой.

– Смелее, – скомандовал голос.

Остановившись напротив узкой щели мрачно поблескивающего стекла, она вопросительно уставилась в темное чрево автомобиля, что-то зажужжало, и стекло опустилось ниже, на нее в упор смотрел лысеющий холеный мужчина в очках без оправы. На вид ему было около шестидесяти.

– Вы Алиса Вересаева? – уточнил он, скептически глядя на съезжившуюся под дождем девушку.

– Да, – пролепетала Алиса, от волнения глубже засовывая руки в карманы короткой куртки.

– Садитесь в машину, – приказал мужчина и распахнул перед ней, похожую на въездные ворота, дверь автомобиля.

Алиса попятилась, испуганно мотая мокрой головой.

– Садитесь, я сказал. У меня к вам деловое предложение, – приказал мужчина и повелительным жестом указал на диван напротив.

Трясаясь от страха, абсолютно не сознавая, что делает, она послушно забралась в необъятный салон и буквально утонула в мягкой коже заднего сиденья.

– Домой, – бросил мужчина водителю и повернулся к Алисе.

– К кому домой? – затравленно озираясь, испуганно пролепетала Алиса.

Мужчина не ответил, с минуту он придирчиво оглядывал ее с ног до головы, его небольшие черные глаза прожигали насквозь. Алиса ежилась под его пронизательным взглядом, все плотнее вжимаясь в мягкое кресло. Наконец, очевидно, удовлетворенный первоначальным осмотром, он улыбнулся и неожиданно подмигнул перепуганной девушке:

– Лейб Афроимович Фридман. Банковская сеть «Фридман групп». Если это вам о чем-нибудь говорит, – в маленьких жгучих глазках мелькнула откровенная насмешка.

– О-ч-чень приятно, – заикаясь, пробормотала Алиса.

Она естественно и представления не имела о «Фридман групп», но магическое слово «банк» произвело на нее необходимое впечатление.

– И ничего вам неприятно, – оборвал ее Фридман, доставая сигареты. – Скорее, страшно, так? Курите? – поинтересовался он, протягивая золотой портсигар.

Алиса коротко кивнула и, не сводя глаз с холеного господина напротив, взяла длинную коричневую сигарету.

– Зря. Табак и красота – вещи полярные, – не без сарказма заметил банкир и глубоко затянулся. Продольные морщины на его щеках прорезались еще глубже. – Вас, Алиса, интересует, куда я вас везу, а главное, зачем? – продолжал томить девушку банкир. – Что ж, извольте. Я изложу вам суть. Все дело в моем сыне. Его зовут Марк. Он видел вас в «Метелице» на прошлой неделе, вы ему понравились. Запали в душу, как говорится. Я разыскал вас по его настойчивой просьбе и теперь везу к нему. У него сегодня день рождения, – добавил банкир, нехорошо улыбаясь.

От растерянности Алиса выронила из рук сигарету, ее точно ледяной водой окатили, нижняя губа задрожала, глаза наполнились слезами, девушка резко выпрямилась и закричала тонким срывающимся голосом:

– Остановите машину! Я никуда с вами не поеду! Сейчас же остановите!

Видя, что Фридман на крик не реагирует, она соскочила с места и забарабанила кулаками в стекло, за которым виднелась широкая спина водителя. Тот даже не обернулся.

– А ты молодец, – выдержав паузу, снова заговорил мужчина. – Проверку прошла, с протитуцией не дружишь. Во всяком случае, пока. Ну-ну, детка, успокойся, – сбавил тон финансист. – Не нужно так волноваться. Дослушай. Я еще не закончил, – в голосе вновь зазвучали властные нотки. – Паника, знаешь ли, советчик плохой. Марк серьезно болен. У него лимфосаркома. Доктора говорят, остался год, может чуть меньше. Его мать умерла год назад от обширного инфаркта, не смогла пережить известия о близкой смерти сына. Ему очень одиноко. Старых друзей он не выносит. Они напоминают ему о прошлом, когда он был здоров и беспечен. Завидует парень здоровым баловням судьбы. На профессиональных сиделок у него аллергия, мы поменяли не меньше трех десятков за последние полгода. Словом, моему сыну нужен друг, жилетка и медсестра в одном лице. Он увидел тебя неделю назад в клубе и с тех пор говорит только о тебе, Алиса. Говорит, ты классно танцуешь. На секс он не способен, можешь не опасаться. Словом, я работу тебе предлагаю. Не пыльную. Две с половиной штуки баксов в месяц и на всем готовом. Если приживешься, то через полгода поговорим о надбавке. Согласна?

Озадаченная услышанным Алиса притихла, по-ученически сложив руки на коленях и недоверчиво поглядывая на банкира. Фридман достал из портсигара следующую сигарету, щелкнул золотой зажигалкой, неторопливо открыл бар, густонаселенный разнокалиберными бутылками, вынул оттуда початый виски и два бокала, плеснул на доньшко каждого по глотку, один протянул девушке. Алиса послушно взяла и, не глядя на Фридмана, еле слышно пролепетала:

– А вы не обманываете?

– Я работу тебе предлагаю. Хорошо оплачиваемую работу. Или ты завалена предложениями? – ядовито заметил финансист, делая вид, будто не слышал вопроса.

Алиса машинально кивнула и сжала в ладонях стакан с такой силой, что он чудом не треснул.

– Вот и прекрасно! Выпьем за успех нашего предприятия, госпожа Вересаева!

Фридман опрокинул виски в рот. Алиса последовала его примеру, рот обожгло, но уже через минуту взвинченные нервы размякли, точно масло на солнцепеке, исчезла противная дрожь в пальцах, и Алиса робко улыбнулась работодателю.

Автомобиль выехал из города, за заплаканным стеклом замелькали деревья, деревеньки, коттеджные поселки, под действием виски и дождя, чуть слышно шуршавшего по крыше машины, Алиса окончательно расслабилась и незаметно для себя задремала. Проснулась, когда автомобиль затормозил перед огромным двухэтажным особняком в викторианском стиле, украшенным многочисленными башенками, балкончиками и балюстрадами. Дом располагался на небольшом пригорке, отчего возникало ощущение, что он реет над ухоженным садом и

громадным лиственным парком. С красно-коричневой крышей, островерхими башнями и стенами, окрашенными в теплый песочный цвет, он будто сошел с полотен Гейнсборо.

Алиса была подавлена. В просторном, отделанном каррарским мрамором и бронзой холле их встретила миловидная светловолосая женщина в белом крахмальном передничке, она почтительно поздоровалась и забрала у вошедших верхнюю одежду. Они поднялись по широкой кованой лестнице, по обеим сторонам которой на разной высоте парили объемные люстры муранского стекла. Вошли в просторную гостиную, декорированную в изысканных жемчужно-перламутровых тонах, где резная мебель из беленого дуба, инкрустированная все тем же перламутром, была такой изящной, что казалась игрушечной. Красивое сочетание полированного бежевого и коричневого мрамора на полу, картина украшенная камнями Сваровски, ниши с антикварными статуэтками и полупрозрачный матовый потолок с вензелями – все поражало утонченным вкусом и безумной роскошью.

На широком, обитом бледным кремовым шелком диване сидел большеглазый изможденный молодой человек в джинсовой футболке и черной бандане, он читал. Увидев вошедших, отложил книгу и пошел навстречу. Алиса ступала и, спрятавшись за спину банкира, продолжала исподволь разглядывать окружавшее ее великолепие. Справа в углу красовался большой камин, украшенный бронзой и пепельно-розовым в тонких коричневых прожилках натуральным ониксом. О! Дверные ручки литого серебра! Да, это же настоящий дворец! Неожиданно вспомнился ожидавший королевской аудиенции, очень храбрый и очень бедный д'Артаньян. Мысль о том, что она подобно знаменитому мушкетеру удостоилась чести быть представленной ко двору, рассмешила ее, не удержавшись, она прыснула в кулачок. Мужчины разом обернулись и вопросительно посмотрели на девушку.

– Извините, нервное – оправдалась Алиса, – чувствую себя как в Эрмитаже.

Молодой человек заразительно расхохотался. Возникшая было неловкость мгновенно улетучилась, и банкир, похлопав сына по плечу, сказал:

– В общем, подругу я тебе привез. Как обещал. С днем рождения, сынок. Ну, да некогда мне с вами хихикать. Через час встреча с членами правления. Извини. Дальше разбирайся сам, – с этими словами он вышел из зала.

Когда они остались одни, молодой человек осторожно приблизился к девушке и попытался взять ее за руку, но почувствовав, как Алиса вздрогнула, отшатнулся и с горечью сказал:

– Да не бойся ты. Я не опасен. Химическая кастрация, знаешь ли. Самый унижительный из всех медицинских терминов.

Так все и началось. Алиса поселилась в загородной резиденции Фридманов, следила за тем, чтобы Марк вовремя принимал лекарства, болтовней вытаскивала его из депрессий, сопровождала в частых медицинских и редких увеселительных мероприятиях. По большей части это были «Ленком», «Современник», реже Театр сатиры, читала ему на ночь Кафку и Пруста, совершенно не понимая ни того, ни другого и откровенно этим возмущаясь.

Девушку поселили в комнате рядом с Марком.

– Чтобы всегда под рукой была, мало ли что, – заявил Фридман-старший, распахивая перед ней дверь в просторную светлую комнату, стены которой были обиты палевым гобеленом с изображениями пасторальных сцен.

Мебель цвета слоновой кости в стиле Людовика XIV, удобный зеркальный шкаф во всю стену – дорого и очень по-девичьи.

Фридман позаботился и о гардеробе компаньонки сына, выделив на это пять тысяч долларов.

– Чтоб Марку было не стыдно с тобой куда-то выйти. Сапоги новые купи, твои больше похожи на калоши, – ворчал он, вынимая деньги из портмоне.

Теперь в шкафу Алисы красовались эффектные платья, костюмы, блузки, брючки, был даже купальник от Chanel, над ним Алиса даже дышать боялась. Шутка ли, настоящий Chanel!

А через полтора месяца молодые люди поняли, что полюбили друг друга. И – о чудо! У Марка наступил период стойкой ремиссии, значительное улучшение здоровья позволило ему вернуться к занятиям литературой и физическим упражнениям. Он мечтал стать известным драматургом и страстно любил верховую езду. В начале декабря он предложил Алисе отправиться в путешествие по Европе, всемогущий отец в два дня оформил шенгенскую визу и влюбленные уехали. Перед отъездом Фридман-старший внимательно посмотрел в глаза сыну и посоветовал не делать глупостей.

– Я много раз говорил тебе, что любовь есть не что иное как основанная на биохимических реакциях, уловка природы. Провокация с целью продолжения рода. Гормональный взрыв, толкающий людей на глупости. А брак – дело интеллектуальное, продуманное и только тогда удачное. Помни об этом и отделяй зерна от плевел.

Сын, однако, к словам отца не прислушался. Проведя две романтические недели в Италии, где влюбленные облазили достопримечательности Флоренции (именно там под впечатлением истории Данте и Беатриче Портиначчи они дали друг другу клятву никогда не расставаться), Венеции и Рима, они переехали в Париж и однажды вечером, смакуя божоле нуво в маленьком ресторанчике на улице Муфтар, Марк подарил Алисе потрясающее кольцо с четырехкартатным кабошоном от Van Cleef & Arpels и сделал ей предложение. Зеленоглазая невеста смешалась, резко побледнела, потом густо покраснела и после недолгих колебаний тихо произнесла очаровательное «да». Они поженились через три дня в муниципалитете одного из парижских предместий. Аристократизм и романтика старой Европы, пылкая влюбленность, приближение самого счастливого в их жизни Нового года кружило молодым головы крепче испанского хереса, который Марк так любил потягивать в баре по вечерам. Что касается Фридмана-старшего, то он не разделил восторгов сына по поводу женитьбы. Узнав о состоявшемся бракосочетании, отец процедил недовольное: «Поздравляю, еще одного идиота окольцевали» – и бросил трубку. Правда, утром следующего дня он перезвонил и поинтересовался, где молодые хотят провести медовый месяц. Марк ответил, что планирует переехать на виллу в Лугано. Отец недовольно фыркнул:

– Я ожидал этого. Не получится. В Лугано буду я, Фриц уже готовит дом к моему приезду.

– Но я хочу показать Алисе Швейцарию, – упрямо возразил Марк и беспомощно взглянул на сидящую рядом жену.

– Ну так и быть, – после небольшого раздумья отозвался отец. – Я сниму для вас небольшое шале в Гриндельвальде. На лыжах покатаетесь, свежим воздухом подышите. После загазованной Европы вам это не помешает. Идет?

– Еще как идет! Папа, ты просто гений, – радостно отозвался Марк.

– Я позвоню, когда все устрою. Удачи, молодожен, – сухо попрощался финансист, и из трубки послышались короткие резкие гудки.

Так они оказались здесь, в Гриндельвальде.

За спиной Алисы послышались шаги, и незнакомый баритон вернул ее к действительности:

– Hi, are you my neighbour, miss?

Обернувшись, она увидела невысокого плотного мужчину в спортивной куртке канаречного цвета и зимних кроссовках. Английский Алиса знала плохо, говорила коряво, понимала в рамках школьной программы. Сейчас она сообразила, что мужчина поздоровался и поинтересовался, является ли она его соседкой. Вежливо улыбаясь, она произнесла сакраментальное:

– Yes, of course, – и настороженно уставилась на незнакомца.

Тот заулыбался еще шире, обнажив широкий ряд ослепительно-белых зубов, и затараторил:

– I am Frank Lewis a lawyer from USA. I am staying over there, – и он радостно ткнул коротким пальцем в сторону, видневшегося на соседнем холме небольшого крытого коричневой черепицей дома.

– Он адвокат из Штатов и наш сосед, – вслух перевела Алиса и сосредоточенно наморщила лоб. – Aga! I am Alice from Russia and your neighbour, – после минутной паузы выдала она и остановилась: «На этом мой словарный запас практически исчерпан, придется делать умное лицо и приветливо кивать болтливому янки».

– Fine! Nice to meet you. – не унимался американец, блестя близко посаженными голубыми глазками. – It is Christmas today. I am absolutely alone. It is boring. I'd like to invite you to dine with me tonight.

– Господи, как же ты меня достал, – вполголоса пробормотала Алиса, напряженно обдумывая ответ на приглашение радушного американца. – Скучно ему одному в Рождество, видите ли. – Merry Christmas, Frank, and thank you, – начала она – but I married. My husband in house now, – на ломаном английском пыталась объяснить она.

Вместо «хасбанд» произнесла «хусбанд», чем немало позабавила адвоката.

Разочарованно хмыкнув, тот снова ощерился в рекламном оскале и начал прощаться:

– O.k. Anyway you are welcome. I mean you and your husband. I'll send you some presents. Merry Christmas, Alice. Remember me to your husband, please. See you.

– Ciao, Frank, – кивнула Алиса.

Глядя на удаляющуюся желтую спину адвоката, Алиса беззвучно шевелила губами, силясь перевести последнюю тираду американца.

«Что-то про подарки брякнул, – озадаченно пожала плечами она. – Может, у них так принято на Рождество соседям подарки дарить? Чудной народ эти иностранцы, в Европе скупердьяй на скупердые сидит и скупердыем погоняет. А тут подарки соседям по горнолыжному курорту! Бред какой-то. Надо рассказать Марку», – гулять Алисе почему-то расхотелось, и она повернула назад, к дому.

Глава вторая

За завтраком обыкновенно спокойный и выдержанный Марк веселился напропалую, завидев Ингрид в блузке фисташкового цвета, он прыснул и вполголоса обратился к жене:

– Ты заметила? Обожает фисташковое мороженое, пиво пьет исключительно с фисташками и даже одежду предпочитает фисташкового цвета. Ходячая реклама компании по производству фисташек! Может, она у них подрабатывает, а?

Поймав на себе настороженный взгляд прислуги, Алиса благоразумно промолчала. Белевые глаза Ингрид вызывали у нее смешанное чувство страха и благоговения. Несмотря на скромное положение прислуги, швейцарка держалась с видимым превосходством и завидной уверенностью, а ее прозрачные, почти бесцветные глаза, обращенные на суетливых русских, всегда смотрели сквозь них. Она держалась так холодно и высокомерно, будто это Алиса с Марком ее обслуга, а не наоборот.

– Наблюдая ее манеры, – заметил как-то Марк, – можно подумать, что она принцесса крови, вынужденная батрачить на нуворишей. Королева в изгнании не иначе.

Из-под длинной шерстяной юбки Ингрид торчали тощие лодыжки, а ступни мужеподобной мадам, широкие, растоптанные – настоящие крестьянские ножищи, уродливо выпирали из туфель последнего размера.

После завтрака, состоявшего из кофе, жареного бекона, настоящего овечьего сыра и горячих круассанов, они с Марком отправились кататься на лыжах. Крутые снежные склоны, поросшие редкими соснами, отбрасывали глубокие синие тени, ослепительное солнце и ни ветерка. Вечный покой, нарушаемый лишь мягким шорохом несущихся лыж и свистом рассекаемого на большой скорости воздуха.

Для Алисы и обыкновенные лыжи были диковиной, а горные и вовсе. На высоте тысячи метров над уровнем моря воздух не был разрежен, дышать было легко, но крутые горные склоны и стремительно несущиеся мимо люди пугали ее. Алиса, экипированная по последнему слову горнолыжного спорта, стояла на небольшом пригорке и с ужасом смотрела прямо перед собой.

– Надо было на инструктора согласиться, дура ты набитая, – бормотала она, затравленно озираясь вокруг. – Говорил тебе Марк, так нет же. Довыпендривалась вот.

Небольшой пологий спуск, по которому ей надлежало съехать, выглядел совершенно безобидно, но отчаянно трусившая Алиса не могла заставить себя сдвинуться с места. Глядя как, сверкая очками, вниз проносятся лихие мужчины и женщины, она мучительно потела, не решаясь спуститься с крохотного пригорка, отведенного для детей и начинающих. Марк то и дело пролетал мимо, залихватски крича и взметая столбы снежной пыли на виражах. Его синяя вязаная шапочка и платиновый костюм, блестящий в солнечных лучах как олимпийская медаль, с сумасшедшей скоростью мелькали между одиноко торчавшими на трассе соснами. У Алисы внезапно затряслись колени, от непрерывного мелькания лыжников перед глазами поплыли разноцветные пятна, закружилась голова, противная горькая тошнота подступила к горлу, и она с размаху села в сугроб.

– Вам помочь? – раздался рядом незнакомый голос.

Алиса скосила глаза и увидела симпатичного парня в лыжном костюме василькового цвета, на вид ровесника, он присел на корточки, поднял очки на лоб и участливо заглянул ей в лицо.

– Страшно? – понимающе улыбнулся молодой человек. – Первый раз, наверно?

Девушка удрученно кивнула и попыталась подняться, но непослушные ноги подкосились, и она неуклюже плюхнулась обратно в снег.

– Давайте-ка помогу, – бодро сказал шатен, крепко ухватил Алису подмышки, поставил на ноги и аккуратно отбуксировал в ближайшее кафе у подножия холма, помог снять лыжи, заказал глинтвейн, не слушая возражений, оплатил его и сунул ей в руку визитку:

– Невнимательный у вас, однако, друг, – с улыбкой констатировал парень, глядя, как Алиса торопливо глотает горячий напиток. – Новичков бросать нельзя. Отдыхайте. Если охота не пропала, то через полчаса жду вас на том же месте. Будем учиться, – скороговоркой выпалил он и, не дожидаясь ответа, умчался прочь.

Огорченная лыжным фиаско, Алиса благодарно улыбнулась вслед спасителю, блаженно вытянула усталые ноги, достала из кармана мобильник и набрала номер мужа:

– Я замерзла, домой хочу, – заканючила она, пыхтящему в трубку Марку.

– Лады, Попелюшка, – ответил Марк. – Я тоже подустал с непривычки. Да и погода портится.

– Я тебя сто раз просила не называть меня Попелюшкой, – нарочито капризно сказала Алиса, глядя в окно на неожиданно начавшийся снегопад.

– Хорошо. Лиса, а ты где?

– Внизу. В кафе. И соскучилась.

– Я тоже. Буду минут через десять. Целую, Попелюшка.

Из трубки понеслись короткие гудки. Не успев ответить на провокацию мужа, Алиса в сердцах бросила мобильник на стол. Попелюшка на украинском означает Золушка и когда Марк хотел поддразнить молодую жену, то пускал в ход это неуклюжее прозвище. Алиса неприлично возмущалась, Марк смеялся и ласково пояснял:

– Не злись, солнышко. Ты же и впрямь Золушка! Такая же добрая, красивая и удачливая. Или я не прав?

Допив глинтвейн, Алиса отодвинула бокал и от нечего делать начала изучать оставленную спасителем визитку. На серебристом кусочке картона черным шрифтом значилось: Британов Евгений Альфредович, Банк «Пирамида», юрисконсульт.

– Одни банкиры кругом! Складывается впечатление, что это самая востребованная профессия, – усмехнулась Алиса и запихнула визитку в салфетницу. – Может, кому и пригодится.

Через пятнадцать минут возле кафе притормозило взятое напрокат красное «вольво», из машины высунулся Марк, заметил в стеклянной витрине кафе светлую головку жены и призывно помахал рукой. Вернув лыжи Алисы, он сел за руль, чмокнул ее в теплую щеку, извиняясь за чрезмерное увлечение катанием, и заявил:

– Едем за вином и продуктами. Вечером устроим празднование католического Рождества. Кто против? Принято единогласно!

Алиса с удовольствием смотрела на худое подвижное лицо Марка, длинный хрящеватый нос с заметной горбинкой, чуть вздернутую белесым шрамом бровь, крупные чувственные губы, шапку черных вьющихся волос (они наконец отросли) и счастливо улыбалась.

– Ты – ангел, – шепнул Марк, ткнувшись губами в шею Алисы, и резко вывернул руль, выбираясь с местной дороги на шоссе.

– Нет, это ты мой ангел-хранитель. И прошу об этом помнить, – игриво оттолкнула она мужа. – Если ты сейчас не будешь осторожным, то мы вляпаемся во что-нибудь.

– Ни за что! Мы просто обязаны жить долго-долго и умереть в один день! Последние анализы пообещали мне еще лет пять, – Марк хитро подмигнул жене.

– Очень праздничная тема, – надула губы Алиса, достала из бардачка несессер и принялась подпиливать сломанный ноготь.

– Упала? – сочувственно покосился Марк. – Кстати, с каких это пор ты стала избегать разговоров о моем драгоценном здоровье?

– Я не избегаю. Просто, когда чувствуешь себя счастливой, упоминание о смерти бестактно.

– А ты счастлива? – Марк испытующе посмотрел на жену.

Она загадочно молчала, томно прикрыв глаза темными ресницами, и он понял. Съехал на обочину, остановился, повернулся к притихшей девушке, осторожно убрал тонкие светлые пряди с узенького лица, обхватил его ладонями и принялся осыпать поцелуями глаза, покорно закрывшиеся под любовным натиском, усыпанный крохотными рыжими веснушками нос, круглую родинку возле правого уха.

– Девочка моя, единственная. Радость моя, как я жил без тебя? – бормотал он, задыхаясь от нежности. – То был сон, похожий на смерть! – неожиданным басом взревел он, внезапно оторвавшись от теплых податливых губ жены.

– Ты опять за свое? – с напускной суровостью фыркнула Алиса. – Я не хочу, слышишь, не хочу больше слышать это омерзительное слово, – протестовала она, шутливо молотя кулачками по жесткому худому плечу Марка. – Обещаешь больше никогда не произносить эту гадость в моем присутствии? Обещаешь?

– Обещаю. Да будет так. Аминь, – сдался наконец Марк, ловко уворачиваясь от тумачков.

– То-то же. Вот теперь поехали, – примирительно сказала Алиса и вернулась к шлифовке покалеченного ногтя.

Вечер обещал быть чудесным. Снегопад неожиданно прекратился. Воздух, напоенный морозной свежестью, крупные, словно вырезанные из мягкой желтой жести, звезды и вселенская тишина. Как в храме. Алиса стояла на веранде, запрокинув голову к небу, курила и любовалась. Она так пристально вгляделась в мерцающую звездную россыпь, что от напряжения на глаза навернулись слезы. И вдруг тонкий серпик месяца дрогнул и кокетливо затанцевал. Точь-в-точь, как у Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», когда пакостник-бес перебрасывал его с руки на руку, поминутно дую на обожженные ладони. В детстве перед Новым годом они с мамой часто пересматривали этот фильм.

– Офигеть! – вполголоса сказала девушка и обернулась на звук распахнувшейся двери.

– Тет-а-тет со звездами? – спросил Марк, кутаясь в толстый шерстяной плед.

Слабое здоровье не позволяло ему гусарствовать, и он постоянно носил теплые шарфы и носки, а о том, чтобы выскочить зимой на улицу без шапки, не могло быть и речи.

– Помнишь, ты обещала мне поступить в университет? – неожиданно спросил он. Вероятно, слово «офигеть», которым Алиса по обыкновению выразила свой восторг, покорило его утонченную натуру.

Алиса промолчала. Вопрос образования в рождественский вечер ее волновал мало.

– А на какой факультет ты бы хотела? – не отставал муж, обнимая ее за плечи.

– Ну, не знаю-ю, – нехотя протянула Алиса и ткнула носом в шею мужа. – Куда угодно, только чтоб с литературой не связано. Терпеть не могу книги.

– Почему? – изумился Марк, отстраняясь от жены, чтобы лучше видеть ее глаза, загадочно блестящие в лунном свете.

– Ну, потому что в книгах одна неправда. В жизни грязь и проблемы, подлец на подлеце, а в книгах благородные рыцари, любовь до гроба, верность, добро всегда побеждает и прочая чушь, – цинично пояснила Алиса, берясь за следующую сигарету.

– Ну, знаешь, книги разные бывают, – возразил Марк. – Если ты про бульварные романы, то пожалуй. Но есть ведь Достоевский, Набоков, Чехов, в конце-то концов.

– В конце концов, среди концов конец-то будет, наконец? – насмешливо пропела Алиса, затягиваясь сигаретой.

– Иногда ты бываешь вульгарна, – сухо заметил Марк и ушел, оставив жену одну. Это была их первая размолвка.

Алиса продолжала стоять на улице, возвращаться в дом почему-то не хотелось, впервые за последние месяцы она ощутила, что они с Марком люди разной породы. Он – образованный интеллигентный мальчик из богатой семьи, она – обычная девушка из народа. «Жалко мне его.

Странный он, несовременный какой-то, – думала она. – Ему всего двадцать пять, а рассуждает как пенсионер».

За воротами послышался шум подъехавшей машины, и в калитку позвонили.

«Кто бы это мог быть?» – терялась в догадках Алиса, открывая.

При виде невысокого человека в белой куртке и поварском колпаке она удивилась еще больше. Человечек протянул ей открытку с традиционной надписью «FroheWeihnachten!» и большую нарядную коробку, сопроводив подношение длинной очередью по-немецки. Алиса уловила только четыре знакомых слова: «Herr Brutner» (название ближайшего ресторана), «сашими» и «пондзю». Наконец, она сообразила, что светловолосый швейцарец – ресторанный курьер, который привез заказ. Алиса замахала руками и затрясла головой, намереваясь объяснить посыльному, что он ошибся и никакого заказа в «Herr Brutner» они не делали. Но мужчина настойчиво совал ей коробку, беспрестанно лопоча по-немецки что-то вроде: «Es ist völlig kostenlos, Mädchen» и тыча ей в лицо, бланк заказа, в котором черным по белому был выведен их с Марком адрес. Алиса сдалась. Курьер, лица которого она не так и не разглядела, прыгнул в потрепанный «форд» с эмблемой ресторана, махнул рукой и умчался в темноту. Озадаченная Алиса повертела в руках поздравительную открытку, заперла калитку и побрела к дому: «Если это заказал Марк, то почему он меня не предупредил? И вообще, он прекрасно знает, что я японскую кухню терпеть не могу». И тут ее осенило: Господи, да это ж Льюис, американец, с которым она познакомилась сегодня утром. Ну конечно! Как она могла забыть! Верный своему слову сосед прислал им гастрономический подарок из дорогого ресторана. «Какая же он душка!» – умилилась Алиса, возвращаясь в дом.

* * *

«Мы говорим на разных языках, нас интересуют полярные вещи. Что нас тогда связывает? Неужели примитивная животная страсть? Та пресловутая химическая реакция, о которой говорил отец?» – размышлял тем временем Марк, задумчиво глядя на дрожащее пламя красных свечей. Он переоделся к ужину в черный велюровый пиджак, побрызгался душистой водой и коротал время, размышляя об их с Алисой отношениях.

Стеклянные салатники, креманки и блюда, наполненные разнообразной снедью, терпеливо ждали, когда их опустошат. Тонкая высокая бутылка красного французского вина гармонично венчала аппетитно пахнущий натюрморт.

«Ингрид потрудилась на славу», – подумал Марк, покосившись на блюдо с румяной индейкой.

– Алиса, давай скорее! Я просто умираю от голода, – громко позвал он, услышав, как хлопнула входная дверь.

Послышались торопливые шаги, и в столовую впорхнула Алиса. Ее тонкие пепельные волосы развевались от быстрой ходьбы, огромные нефритовые глаза и изящный с едва заметной горбинкой нос, гибкая шея с маленькой пикантной родинкой у основания и высокая тонкая фигурка приковывали взгляд. Марк невольно залюбовался женой:

«Она похожа на нежную русалку с картины Зацки. Одни глаза чего стоят! Огромные, зеленые, они постоянно меняют цвет, от легкого оттенка неспелого крыжовника до насыщенного темно-нефритового. Яркие волнующие. Умопомрачительно хороша! Такой женщине можно простить все. Даже временное отсутствие интеллекта. Именно временное, потому что я сделаю из нее леди. Она, несомненно, способнее Элизы Дулиттл», – подумал он и поднялся навстречу.

– А я с небольшим сюрпризом, – весело прощепетала девушка.

– Ты с огромным капканом, я бы сказал, – пошутил Марк, но девушка не поняла иронии:

– Сумерничаешь? Давай включим свет, я не люблю торчать в темноте.

Алиса заметила, что Марк больше не дуется, и благодарно засуетилась вокруг мужа.

– Представляешь, утром познакомилась с нашим соседом, его вилла километрах в двух отсюда, на холме. Он американец, приглашал нас сегодня на рождественский обед, но я отказалась. Тогда он пообещал прислать нам праздничный подарок. И прислал! Сашими. Ты же это обожаешь, правда? – и Алиса звонко чмокнула Марка в нос.

Водрузив коробку на стол, она включила свет в комнате. Пляшущие языки пламени в уютно потрескивавшем камине сразу потеряли свое очарование, главная партия рождественского вечера теперь принадлежала изысканно накрытому столу. Толстые красные свечи, белая крахмальная скатерть и разноцветные льняные салфетки придавали ему особый европейский шик.

– Что ж, сюрприз за сюрприз! Получайте свой обещанный подарок, мэм, – Марк театральным жестом взлохматил буйную шевелюру и вытащил из внутреннего кармана пиджака большой конверт. – Вот, держи, Попелюшка.

– Ты опять?! – притворно насупившись, вскинулась Алиса. В глазах, однако, светилось веселое любопытство. – Что там?

– А ты не спрашивай. Достань и посмотри.

Прикусив губу, Алиса надорвала конверт, достала плотный лист бумаги и в очередной раз вопросительно взглянула на мужа.

– Это письмо. Читай вслух, – нетерпеливо заметил Марк.

– Но оно же на французском, – неуверенно протянула Алиса.

Было заметно, что подарок в виде письма ее слегка разочаровал.

– Смотри внимательно. Перевод прилагается.

Алиса нехотя повиновалась. Письмо, украшенное затейливым логотипом, гласило:

«Уважаемая госпожа Алиса Фридман, Вы приглашаетесь для подписания контракта о сотрудничестве с Домом Моды Givenchy. Условия работы будут оговорены при личной встрече. Наш адрес и контактные телефоны приведены ниже. Пожалуйста, сообщите нам о дате своего приезда, чтобы мы сделали все необходимые приготовления. Искренне ваш креативный директор дома моды, Джон Гальяно»

По мере чтения голос Алисы становился все звонче, закончив чтение, она подскочила к мужу, повисла у него на шее и радостно завопила во все горло. Он шутливо отталкивал разбушевавшуюся жену, приговаривая:

– Тише ты, ненормальная, задушишь же.

– Ты – гений, Маркес! (Марку безумно льстило, когда жена называла его именем великого писателя) Как тебе это удалось? – не унималась Алиса.

Лицо ее от возбуждения пошло красными пятнами, она визжала от восторга, то пускаясь в пляс, то снова бросаясь на шею мужу.

– О, это не моя заслуга. Отца благодари. Он сказал, что если уж в нашей семье появилась модель, то она непременно должна быть мирового масштаба, – отбивался от Алисы Марк. – Слушай, давай за стол, а? Есть хочу зверски.

– Давай! – Алиса в последний раз взвилась до потолка и плюхнулась на ближайший стул. – Нет, о таком я даже и мечтать не могла. Живанши! Гальяно! Офигеть!

– Только без жаргона, ладно? – поморщился Марк, усаживаясь напротив. Казалось, головокругительная карьера жены его совсем не радует. – Давай, обмоем твой молниеносный успех, – безрадостно предложил он, открывая бутылку вина.

– Класс!

Марк снова скривился, но от замечания воздержался. Молча наполнил тонкие высокие фужеры искрящимся вином и тихо сказал:

– За восходящую звезду мирового модельного бизнеса! За тебя, Лиса!

– А почему так печально, Маркес? – чтобы угодить мужу, Алиса продолжала льстить, называя его именем великого писателя.

– Просто я хорошо знаю отца. Он ничего не делает просто так. И сей широкий жест лишь часть его грандиозного плана. Он хочет развести нас, Попелюшка!

– Что-о-о? – от неожиданности Алиса поперхнулась вином.

– Ты не ослышалась. Подумай, что нас ожидает? Ты работаешь, вращаешься среди красивых и крепких знаменитостей, а я таскаюсь за тобой по пятам. Очередной рецидив саркомы и я зависаю в какой-нибудь немецкой клинике зализывать раны. А ты спешишь дальше, тебе не до меня, тебя влекут выгодные контракты, баснословные гонорары и бурлящая толпа здорвяков-поклонников. Я одной ногой в могиле, ты – в центре внимания. Мы по разные стороны баррикад, – в голосе Марка послышался тоскливый надрыв, казалось, еще секунда и он расплачется. – Развод и девичья фамилия. Вот чего хочет мой прозорливый папенька. Просто как все гениальное. Одним письмом он уничтожает неугодный ему мезальянс и ломает две судьбы. И я догадываюсь, кто надоумил его. Это Диана. Моя бывшая мачеха и завистливая дрянь, – молодой человек быстро отвернулся, чтобы незаметно смахнуть набежавшую слезу. – Так давай же выпьем, любимая, за наше короткое счастье.

Оторопевшая Алиса ошалело смотрела на расстроенное лицо мужа, понимала, что он любит ее, и что она, Алиса, должна развеять его сомнения, убедить его в обоснованности его опасений и не могла. Не могла, потому что Марк сказал правду, пусть жестокою, но правду. Она совсем забыла, что ее муж смертельно болен. Она смотрела, как Марк торопливо, жадными глотками пьет вино, и подбородок у нее дрожал, глаза, готовые пролиться слезами, подозрительно заблестели, Алиса едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться, потом схватила свой бокал и залпом выпила. Вкуса она не почувствовала, поставив фужер обратно на стол, она ждала, когда алкоголь подействует и острый приступ жалости к несчастному отпустит. Марк тоже избегал смотреть на жену, с коротким нервным смешком он придвинул к себе коробку с сашими, вынул из нее плоское блюдо с прозрачными кусочками сырой рыбы, миниатюрную чашечку с соусом, пару палочек и с деланным весельем провозгласил:

– Начнем с презента! Банзай!

Алиса мрачно смотрела, как он ловко орудует деревянными спицами, поочередно обмакивая в темный соус то тонкие лепестки прозрачной рыбьей плоти, то ярко-розовый маринированный имбирь, и молчала. Тягостная церемония вручения рождественского подарка отбила у нее аппетит. Марк, казалось, не замечал траурного настроения жены, выпив два бокала вина подряд, он покраснелся и, демонстрируя гастрономическое упоение изысканным блюдом, смаковал каждый кусочек.

– Восторг! Просто восторг, – бормотал он. – М-м-м, вкус необыкновенный, чуть жестковата, правда. Никогда не пробовал ничего подобного. Язык чуточку покалывает, будто от мороза. Интересно, что это за рыба? Надо будет спросить этого американца.

Алиса отодвинулась от стола и развернулась к задорно трещавшему камину, ее знобило, и она протянула к огню ладони, но заметив, что руки сильно дрожат, поспешно скрестила их на груди. Еще полгода назад Алиса готова была бы отдать за подобное приглашение полжизни, но судьба не любит, когда очень хотят, она дает тогда, когда это уже не столь важно. Совсем как сейчас. Взвинченные нервы никак не хотели утихомириваться, вино не помогало, затянувшаяся пауза давила, и Алиса не выдержала, схватив лежавшее на столе письмо, она скомкала его и швырнула в пылающую глотку камина, огонь с жадностью набросился на белый клочок и мгновенно превратил его в летучий прах. В ту же секунду за ее спиной раздался странный клокочущий хрип, глухой стук и звон бьющегося стекла, Алиса вздрогнула и резко обернулась.

Марк лежал, навалившись грудью на стол, шея неестественно вывернута, широко открытые застывшие глаза неподвижно смотрели на огонь, в них отражались дрожащие языки желтого пламени, из опрокинутого бокала на стол сочилось вино, белоснежная скатерть медленно

набухла неряшливым бурым пятном. Алиса опрометью вскочила, подбежала к мужу, схватила его за плечи и потянула на себя:

– Маркес, что? Что с тобой, Маркес? – лепетала она, стараясь оторвать тяжелое тело от стола. Марк не отзывался. – Господи, да что же с тобой? – запричитала Алиса – Тебе плохо, милый? Плохо, да? – продолжала она тормошить мужа.

Наконец, тело подалось, тяжело завалилось на спинку стула, от неожиданности Алиса не удержала его, и оно с грохотом опрокинулось на пол. Теперь Марк лежал на спине, уставившись в потолок невидящими глазами, широко разбросав руки в стороны.

– «Совсем как в старых фильмах про войну», – промелькнуло в голове Алисы. И только тут до нее дошло: Марк мертв!

– А-а-а! – закричала она и не узнала собственного голоса, резкий и сиплый, он больше походил на карканье кладбищенской вороны.

Бессильно опустившись рядом с телом, она подняла худую еще теплую кисть мужа и попыталась нащупать пульс. Безрезультатно. Тогда она в невыразимой тоске прижалась к остывающей ладони щекой и застонала:

– Мамочка, что делать? Что же мне делать? – китайским болванчиком раскачивалась она. – В чужой стране, ночью, наедине с трупом. Телефона скорой помощи не знаю. Боже мой, языка и то не знаю. Даже объяснить, что произошло не смогу, – слезы, застрявшие где-то в гортани, вырвались на волю, размочили тушь и полились по щекам, черные дорожки текли с подбородка на дорожную шелковую блузку, но Алиса и не пыталась их вытирать, она ошалело смотрела на мгновенно заострившееся лицо покойника и тихонько, по-бабьи выла:

– Это я... я тебя убила. Ты любил меня. А я, эгоистка чертова, думала только о себе. Ты не вынес этого. Марик, милый, прости. Прости меня. Господи, я – убийца. За что? – с отчаянной злостью выкрикнула она вверх, туда, где по ее разумению должен был находиться Всевышний.

В ответ раздался оглушительный треск взорвавшегося полена и из камина посыпался сноп оранжевых искр. Алиса испуганно втянула голову в плечи и затихла, беспомощно глядя на распростертое рядом тело Марка.

За окном глухо завывал ветер, прекратившаяся на пару часов метель снова разбушевалась. Сидела она долго, в голову лезли беспорядочные мысли о болезни Марка, об их разом рухнувшем счастье, о себе, сиротине. И вдруг ее осенило! Не может быть, чтобы отлично чувствующий себя накануне Марк внезапно скончался! Раковые больные не умирают в одночасье. Как правило, их смерть – процесс медленный, мучительный, болезненный. Она вспомнила, как умирала ее тетка, тогда мама месяцами дежурила у постели иссохшего, корчащегося от непереносимой боли тщедушного тела, вкалывая страдающей все возрастающую дозу морфина. А тут такое...

Алиса снова взглядела в застывшее лицо мужа, его распахнутые навстречу вечности глаза были пугающе неподвижны, преодолевая страх, она потянулась к его лицу и осторожно прикрыла остывающие веки. Немного успокоившись, она принялась соображать дальше. Похоже, причиной смерти Марка оказалась не лимфосаркома, а что тогда? Тогда – это убийство. Отравление! Ну конечно! Как она сразу не догадалась! Чертов американец прислал им рыбу, которая, очевидно, была напичкана ядом. Две минуты – и Марка не стало. Но зачем? Кто этот проклятый американец? Получается, что он хотел убить их обоих, ведь не мог же он знать, что Алиса терпеть не может японскую кухню. И что теперь делать? Заявить на него в полицию? Но кто ей поверит? Свидетелей нет. Никто не видел, как она разговаривала утром с этим типом. Никто не видел, как посыльный привез коробку из ресторана. Хотя, стоп. Рассыльный-то как раз и может подтвердить доставку заказа. Ну и что? Ведь он не покажет, что рыба была отравлена. Полиция может решить, что яд подсыпала Алиса. Именно так они и подумают. Арестуют, посадят в камеру, начнется следствие. И никто, никто ей не поможет. «Господи, кошмар какой! Такого не бывает! Я сплю. Сплю, и мне снится жуткий сон. Проснусь, и все будет хорошо».

Медленно поднявшись с колен, Алиса подошла к столу, машинально налила себе вина, выпила, покосилась на деревянную плочку с рыбой, в ней оставалась добрая половина.

– Может и мне за тобой, Маркес? Что мне теперь? – шепотом произнесла она и оглянулась на покойника. Он неподвижно лежал на ковре, лицо, тронутое дыханием смерти, приняло величественное выражение, точно ему открылась высокая тайна, непостижимая для еще живущих. Отрешенность и безмятежность. Покой. Будто под гипнозом, Алиса потянулась к маслянисто поблескивающим прозрачным кусочкам. И вдруг правый глаз мертвеца влажно блеснул в полумраке, Марк как будто наблюдал за женой из потустороннего мира. Лукавый прищур его глаза словно подначивал: «Давай-давай! Слабо, Лиса, а?»

Громоподобный звонок телефона разорвал оглушительную тишину, и Алиса испуганно отдернула руку. С трудом ориентируясь в пространстве, она вслепую нашарила, валявшуюся среди диванных подушек трубку телефона. Нелюбезный тон Фридмана-старшего заставил ее очнуться:

– С Рождеством тебя, дорогая. Подарок Марка понравился? – несмотря на ласковое обращение, нотки высокомерия в голосе свекра свидетельствовали о том, что ее наглое вторжение в клан Фридманов не вызывает у главы семейства ни малейшего энтузиазма.

– Да, спасибо, – выдавила Алиса, усилием воли подавляя рвущиеся наружу рыдания.

– Благодарить не стоит. Это идея Марка, – небрежно продолжал Лейб. – Он рядом? Передай ему трубку. Мне нужно сказать ему пару слов.

– Я...я... – Алиса никак не могла решиться сказать банкиру, о том, что Марк мертв. – Марка больше нет, – наконец осмелилась она.

– Нет? Он вышел? – не понял Фридман. – Тогда передай ему, что приехала Диана с дочерью. Это моя бывшая жена, мачеха Марка, – нехотя пояснил он невестке. – Она хочет увидеться с Марком и познакомиться с тобой. Проще говоря, я хотел пригласить вас завтра к обеду. Часам к двенадцати я пришлю за вами вертолет. Полчаса и вы у меня в Лугано. Надеюсь, ты передашь Марку мое приглашение, – закончил он уже более миролюбивым тоном.

– Нет, – безжизненным голосом пробормотала Алиса и больше не в силах сдерживаться громко всхлипнула.

– Что такое? – насмешливо отозвался Лейб. – Что там у вас? Поссорились?

– Ма-а-арк... – горько зарыдала Алиса.

– Что? Что Марк? Говори же, черт тебя возьми! – почуввав неладное, бешено заорал свекор.

– Он... умер... – сквозь сопливую икоту пролепетала Алиса.

– Что-о-о? – проревел Фридман. И через паузу: – Дря-я-я-нь!!!

Пытаясь хоть как-то оправдаться, Алиса залепетала было что-то про американца и рыбу, но свекор грубо оборвал ее, принявшись сыпать оскорблениями, и ее дрожащий голос потонул в этом потоке как щебет пичужки в реве урагана.

Наконец он устал, последовала напряженная пауза, и неожиданно спокойным ровным тоном, точно речь шла о прогулке в ближайшем парке, Фридман сказал:

– Быстро ты с ним управилась. Не уберег я парня. Не успел.

Потрясенная несправедливыми обвинениями Алиса остолбенела, трубка вывалилась у нее из рук, колени подогнулись, она упала на диван и заплакала в голос. Из валяющейся рядом трубки послышалось:

– Сиди, где сидишь. Ничего не предпринимай. Я буду ровно через час. Поняла?

Поскольку в ответ кроме приглушенных подвываний он ничего не услышал, то со словами:

– Кукла чертова! С бабами свяжешься... – швырнул трубку.

Алиса захлебывалась в рыданиях.

* * *

В Лугано потрясенный услышанным банкир с минуту молчал, затем, обернувшись к бывшей жене, с любопытством прислушивавшейся к разговору, Лейб отрезал:

– Умер Марк. Мне нужно в Гриндельвальд. Срочно. А там кроме этой эйфелевой башни с тараканьими мозгами никого.

Диана, тонконогая брюнетка средних лет с мраморной кожей чувственно охнула и картинно прижала бледную алебастровую руку к сердцу:

– Боже мой, Марк умер? Но ты говорил, что у него ремиссия. Как же это, Лейб?

– Как, как... Откуда я знаю как! – яростно огрызнулся Фридман, на ходу натягивая куртку. С трудом попав в рукава, он схватил мобильный и набрал номер телохранителя. – Тигран, бегом в аэропорт! Чтоб через полчаса вертолет был на площадке. Летим в Гриндельвальд, – приказал он.

– Лейб Афроимович, погода нелетная. Метель, понимаете, – попытался возразить Тигран.

– Через полчаса, я сказал. Все! – рявкнул Фридман.

– Я с тобой? – вопросительно вскинула брови Диана и, услышав в ответ глухой рык, с облегчением вздохнула.

– Я вообще не знаю, зачем ты сюда приволоклась! Мне кажется содержание у тебя королевское, могла бы остановиться в «Плаза», – раздраженно продолжал Лейб, метавшийся по кабинету в поисках загранпаспорта. – Черт побери, в этой спешке ничего не найти! Или соскучилась по кому? – он обернулся на бывшую жену и его голос зазвучал угрожающе.

– Ну как же, Лейб, у нас ребенок... – попыталась сгладить ситуацию Диана, заламывая руки и заискивающе глядя в глаза бывшего мужа.

– Ребенок? Знать бы чей он, – рубанул тот и грохнул дверь.

Оставшись одна, женщина лениво растянулась на обитой шелком кушетке и тихо произнесла:

– Идиот.

Не уточняя имени пресловутого идиота, она добавила. – Этот скоропостижный брак не мог закончиться иначе...

В комнату, волоча за собой большого плюшевого динозавра, вошла темноволосая кареглазая девчушка лет пяти.

– Иди ко мне, кисуля, обними меня, – нежно проворковала мать и, прижав кудрявую головку к своей груди, глухо пробормотала – Страшно мне, Маюша... Началось.

– Что началось, мамочка? – удивилась девочка, озабоченно глядя в расстроенное лицо матери.

– Ничего, детка. Это я так. Предчувствия нехорошие. Пойдем спать, – ласково поцеловав дочь в теплый, покрытый бархатистым пушком лобик, Диана встала и, подхватив девочку на руки, понесла в спальню.

Глава третья

Зареванная Алиса с трудом поднялась с дивана и подошла к окну. Глухая пугающая чернота блокировала дом, снова повалил снег, он яростно бился о стекло и, тая на теплом стекле, стекал вниз юркими струйками, жиденький свет одинокого фонаря над входом с трудом пробивался сквозь крутящуюся снежную пелену. Наблюдая за разгулявшейся стихией, Алиса пощупала распухший от слез нос и прерывисто вздохнула. Через час здесь будет Лейб Афроимович. Нужно встряхнуться и взвесить все обстоятельства. Марк мертв, его отец еще не знает, что он убит, но уже винит ее в смерти сына. Что же будет, когда он узнает, что Марк отравлен? Первой подозреваемой тут же станет она, Алиса. И ничего, ничегошеньки она не сможет доказать, ведь кроме нее и Марка в доме никого не было. Полиция. Арест. Камера. Бред. Что делать? Бежать? Одна, в чужой стране, ее тут же схватят. Марка отравил Льюис, в этом она не сомневалась ни секунды, имя конечно вымышленное. И никакой он не адвокат, да и не американец. Нужно попытаться выследить преступника, хотя его наверняка и след простыл. Будет он дожидаться, когда нагрянет полиция! Господи, что же делать? Но что-то делать надо. Собрав всю силу воли, она двинулась к лестнице, ведущей наверх, в спальню, откуда был виден дом лжеадвоката. Она боком протиснулась между столом и лежащим на полу телом Марка, в тусклом свете догорающих поленьев труп выглядел зловеще. Стараясь не глядеть на убитого, Алиса неслышно скользнула в темный коридор, до выключателя всего десять шагов, но девушка не могла найти в себе мужества, чтобы преодолеть столь ничтожное расстояние. Покрепче зажмурившись, она на ошупь поднялась по лестнице и толкнула дверь. Прямо с порога она увидела свет в окнах адвокатского коттеджа! Значит, американец там. Какая удача! Алиса подпрыгнула от радости, но тут же сникла, сообразив, что ее теория о том, что убийцей является Льюис, летит к чертям. Какой преступник станет дожидаться, когда его арестуют? Если Льюис не сбежал, значит, он ничего не боится. А раз не боится, значит, он ничего не совершал. Круг замкнулся.

За спиной послышался тоненький скрип паркетных досок, кто-то подошел к дверям спальни! Алиса оцепенела от ужаса, боясь оглянуться. Прошла минута, две, ничего не происходило, и девушка все еще отчаянно труся, осторожно обернулась. Никого. Треклятые нервы! Ее била дрожь, зубы плясали, в животе мерзкий мятный холод, будто туда килограмм валидола натолкали. Мысленно убеждая себя не паниковать, Алиса посмотрела на часы, они показывали четверть двенадцатого, свекор будет только через сорок минут. Нужно взять себя в руки и спуститься вниз. Убеждая себя не паниковать, девушка сдвинулась с места и на цыпочках прокралась к двери, прислушалась. Пронзительная, выворачивающая душу тишина. Осторожно высунулась наружу, в отблесках красноватого света, падающего из гостиной на нижние ступеньки, постепенно проступили очертания лестницы. Набрав в грудь побольше воздуха, Алиса решила. Рывком распахнула дверь и что было духу, помчалась вниз, на последней ступеньке споткнулась и рыбкой шлепнулась на пороге. Скорчившись от боли, зашипела. В ту же секунду наверху раздался грохот, будто уронили что-то тяжелое. Не обращая внимания на боль в ушибленном колене, Алиса вскочила точно ошпаренная и оглянулась. На верхней площадке лестницы мелькнула большая черная тень. Обезумевшая от ужаса девушка, пронзительно закричала и не помня себя метнулась к выходу. Не обращая внимания на непогоду, Алиса выскочила на крыльцо и как была в шелковой блузке и замшевых туфлях бросилась бежать. Выскочила за ворота и что есть мочи понеслась по заснеженной дороге, ноги тонули в липком снегу, одну туфлю она потеряла сразу, на ходу стащила вторую и зашвырнула в сугроб. В лицо бил резкий ветер, залепляя снегом воспаленные глаза, голые ступни мгновенно окоченели, в глубокий вырез набивался снег и таял, стекая по животу ледяными струйками. Алиса тяжело дышала, но при мысли о скрывавшемся в доме убийце силы ее утраивались и она, стиснув зубы, неслась дальше. После пятнадцатиминутного марафона, во время которого беглянка несколько

раз падала, вставала и снова падала, Алиса остановилась. Убедившись, что погони нет, перевела дух, добрела до ближайшего дерева, прислонилась к нему и принялась на весу растирать посиневшие ступни. Разбитые колени надсадно ныли, в горле стоял сухой горячий комок. К ней постепенно возвращалась способность соображать. Что делать? Мобильник остался в спальне. Вернуться? Теперь, когда страшный дом остался позади, ее одолели сомнения. А не привиделась ли ей мелькнувшая на верхней площадке лестницы тень? Но, поселившийся внутри, жуткий безотчетный страх выбора не оставлял. Нужно идти вперед. До коттеджа американца оставалось километра два. Небольшой домик на холме, расцвеченный праздничными огнями, был хорошо виден. И Алиса молила Бога, чтобы Фрэнк не ложился спать как можно дольше. Ведь если он погасит свет, то она потеряет последний ориентир в мелькающей снежной круговерти. И тогда ей конец.

Метель все усиливалась, казалось, ветер задался целью сбить дрожащую девушку с ног и завалить снегом. И Алиса в первый раз за последние три года пожалела, что весит всего пятьдесят два килограмма. Легкое поджарое тело без единой капли жира, способного сберечь спасительное тепло. Немного помогли кожаные джинсы, они не промокали и хорошо защищали нижнюю часть тела, однако Алиса чувствовала, как сильно застыла открытая навстречу ветру грудь и саднит осипшее горло, ноги совершенно потеряли чувствительность, ей казалось, что они покрылись толстой колючей коркой. Шелковая блуза, сначала намокшая от таявшего на теле снега, замерзла и теперь стояла колом. Она скрестила руки на груди, защищаясь от снега. Ничего, нужно только добраться до дома Льюиса. Оттуда она позвонит отцу Марка, предупредит его о том, что в доме кто-то прячется. Он явится с телохранителем, они вызовут полицию и поймают преступника, если он конечно не плод ее воспаленного воображения. И все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – уговаривала она себя, с трудом шевеля непослушными губами. – Я справлюсь. У меня все будет хорошо.

Сработал инстинкт самосохранения, и мысли о собственной безопасности вытеснили страдания по погибшему Марку. Сейчас Алиса думала только о том, как не упасть и не замерзнуть на занесенной снегом дороге. Захлебываясь рвущим ее ветром, она упрямо двигалась вперед, минут через двадцать добрела до поворота к коттеджу американца. Там ее ожидало новое испытание: оставшиеся двести метров дороги оказались занесены снегом. Вероятно, Льюис машиной на отдыхе не пользовался, и дорога выглядела так, будто ее не чистили с начала зимы, узенькая тропка, тоже основательно присыпанная снегом, петляла среди нетронутой мертвенно-белой целины. Алиса решительно шагнула вперед, но метров через пятьдесят оступилась и тут же провалилась по грудь. Вылезти из снежной ловушки оказалось невероятно трудно, обмороженные ноги отказывались повиноваться, обессиленная девушка вяло барахталась в сугробе, пытаясь выбраться на едва заметную под нападавшим снегом тропинку. Лиловые от холода руки не слушались, скрюченные, словно сведенные судорогой, застывшие пальцы скребли по снежному покрывалу, захватывая зябкие комки снега.

«Будто могилу себе рою», – равнодушно подумала она, медленно оседая на дно глубокой берлоги.

Совершенно отчаявшись, девушка затихла, холода она уже не чувствовала, ей смертельно захотелось спать, веки слипались, точно к ним подвесили по свинцовой гире. Снежный вихрь быстро соорудил на ее плечах пушистую белую горжетку.

– Спать нельзя, – бормотала она, как в бреду. – Я замерзну. Нельзя, – хрипкое с подозрительным клочкотанием дыхание становилось все слабее.

И тут до ее слуха донеслась музыка, сквозь сиплый вой ветра пробивались звуки знакомой мелодии. Напрягая слух, она жадно ловила обрывки музыкальных фраз. Это был Гершвин, «Американец в Париже» – любимая джазовая композиция мамы. Значит, дом американца был совсем рядом. Там люди! Мысли о матери, о близком спасении заставили Алису встрепенуться,

и, собрав остатки сил, она рванулась вверх. Со второй попытки ей удалось подтянуться на руках и выдернуть тело из западни, Алиса тяжело перекатилась на спину и уставилась вверх. От яростно крутящейся снежной каши в глазах зарябило, к горлу подкатил приторный комок. Сил подняться не было, и она медленно поползла в том направлении, откуда неслась бравурная мелодия.

У чугунной решетчатой ограды, за которой беззаботно светился аккуратный двухэтажный дом, девушка с усилием поднялась на колени, вцепившись в толстые прутья и преодолевая противную дрожь в ногах, встала. Медленно перебирая руками, добралась до калитки, резко навалилась на нее грудью, но калитка не поддалась. К великой радости ошалевшей от холода Алисы, она оказалась заперта только на задвижку. Изловчившись, девушка просунула руку сквозь прутья решетки, и засов с протяжным скрежетом сдвинулся, калитка заскрипела и распахнулась.

На то чтобы преодолеть последние метры у Алисы ушло минут десять, она поминутно спотыкалась, падала, стонала от боли, вяло чертыхалась, вставала и плелась дальше. Дверь коттеджа оказалась приоткрыта, и изнемогшая девушка, игнорируя приличия, ввалилась в прихожую без стука.

В холле горел торшер, заливая комнату уютным персиковым светом, камин – неотъемлемая часть любого загородного жилища, чуть теплился. В комнате никого. Запах гари и режущие слух звуки джаза, исторгаемые допотопным музыкальным центром, насторожили Алису. Сил бояться у нее не было. Что бы ни случилось, оно уже не могло быть ни хуже смерти мужа, ни получасового марш-броска в десятиградусный мороз босиком. Она устало прислонилась к шершавой стене и позвала:

– Фрэнк!

Ее сиплый, жалобный оклик остался без ответа. Напрягая саднящие связки, Алиса возвысила голос до крика и натужно закашлялась, сотрясаясь худым озябшим телом. Никто не отозвался.

– Наверно, вышел ненадолго, – успокоила себя девушка и, заметив на журнальном столике початую бутылку виски, оживилась.

Ей просто необходимо сейчас выпить. Только теперь она заметила, как ее трясет, холодная оттаявшая ткань липла к телу, вызывая неудержимый озноб. «Сначала сменить одежду», – размышляла она, – потом виски, и я в порядке». Оглядевшись, она заметила валяющийся на диване мужской свитер бутылочного цвета, на полу – клетчатые тапки с оставленными в них теплыми носками. О большем она и мечтать не могла, рывком содрал с себя жалобно затрепавшую блузку, она отшвырнула ее прочь, напялила свитер, воткнула промерзшие ступни в широкие голенища носков, налила себе полстакана маслянистой жидкости из бутылки, поморщилась от резкого сивушного запаха и, зажав нос, залпом выпила. Ее едва не вывернуло на пол, шотландская микстура встала в горле колом и грозила низвергнуться обратно на ковер. Мужественно преодолев рвотный спазм, Алиса громко икнула и, пошатываясь, доплелась до камина. От тлеющих поленьев веяло благодатным теплом, прижав руки к еще горячей решетке, девушка опустилась на пол и почувствовала, как кровь тугими толчками ринулась к онемевшим от холода конечностям, кончики пальцев начали обретать чувствительность. Мешала визжащая музыка, она отзывалась в висках тупой болью, не давая расслабиться.

– Чертова музыка, – пробормотала она и раздраженно ткнула пальцем в кнопку на музыкальном центре.

Внезапно наступившая тишина оглушила Алису, будто ее опустили на дно океана или залили воском уши, она невольно втянула голову в плечи и поежилась.

– Где же Фрэнк? – размышляла она вслух.

Комната выглядела так, точно хозяин на минутку вышел. В пепельнице было полно окурков, разбросанные вещи и раскрытый журнал в низком кресле говорили о том, что американец отдыхал здесь совсем недавно.

– Ничего-ничего, – пытаюсь ободрить себя звуком собственного голоса, уверенно произнесла Алиса.

Мужества, однако, не прибавилось. Скорее наоборот. Алиса принялась следить за минутной стрелкой каминных часов и ей показалось, что она слышит зловещий шорох ускользающих в небытие секунд. Прошло долгих пять минут, тишина в доме копилась и концентрировалась, постепенно превращаясь в напряженно вибрирующий сгусток страха. Под действием алкоголя и тепла мозг размяк и соображал туго.

«Будто холодец», – сердито потрясла головой девушка.

– Сейчас без десяти двенадцать, – сказала она себе, – значит, Фридман должен появиться с минуты на минуту. Нужно позвонить ему. Но как? Номера телефона коттеджа, где осталось лежать тело Марка, она не помнила.

– Фрэнк! – решительно крикнула она, поднимаясь с колен.

Тишина. И, вдруг, Алису пронзила отчаянная мысль: «Фрэнка здесь нет. Фрэнк – убийца! Маньяк. В Америке этого добра пруд пруди. Он остался в их коттедже! Как же она сразу не сообразила! Это он следил за ней, ходил за ней по пятам и напугал ее до полусмерти, когда она босиком бросилась бежать вон из дома. Ей повезло. Он не успел убить ее. А значит, он в любую минуту может вернуться сюда с какой-нибудь бензопилой и...»

Мгновенно протрезвевшая Алиса заметалась по комнате, натыкаясь на мебель, путаясь ногами в мохнатом ковре, голова разрывалась, сердце зашлось, ее охватила паника. Бежать больше было некуда. До Лаутербрюннен слишком далеко, пешком она не доберется, замерзнет в пути. Назад? Прямохонько в лапы маньяка? Ни за что. Ждать возвращения убийцы сюда? Что делать? Боже, надо срочно предупредить Фридмана. Как угодно. Иначе... В то, что произойдет в противном случае, Алиса решила не углубляться. Но как? Номер мобильного телефона свекра на память она конечно не помнила. Девушка беспомощно опустилась на диван и задумалась. Спустя минуту она соскочила и возбужденно пробормотала:

– Телефонный справочник! Если верить западным фильмам, то в каждом порядочном доме Европы и Америки должен быть телефонный справочник! Теперь я должна его отыскать. Где же он может быть?

Девушка внимательно огляделась. Напротив камина высился деревянный стеллаж, заставленный книгами.

– Разве что здесь? – сама себе сказала Алиса и решительно шагнула к внушительной конструкции, пестревшей разноцветными корешками.

Пересмотрев две или три полки, она устало опустилась на пол, крупные капли пота стекали по лицу, колени дрожали, перед глазами замелькали черно-золотые пятна, Алиса бесильно прислонилась лбом к дерматиновым корешкам и внезапно уперлась взглядом в серую толстую книгу с нарисованным на ней телефоном. Не помня себя от радости, она попыталась встать, ухватилась руками за край верхней полки, и тут произошло нечто невероятное: полка неожиданно подалась, с нее градом посыпались книги, больно ударяя Алису по голове, деревянный стеллаж плавно выдвинулся вперед и отъехал в сторону... В пыльной, тесной нише Алиса увидела скрюченную человеческую фигуру с залитым черной запекшейся кровью лицом и выпученными глазами. Фигура угрожающе качнулась и с размаху обрушилась на девушку.

– А-а-а! – дико завизжала она и потеряла сознание.

Глава четвертая

Несколько минут спустя она очнулась. Труп могильной плитой покоился на ее ногах, Алиса с отвращением оглядела темные от засохшей крови пряди на затылке мужчины, нестерпимая боль в распухших обмороженных ступнях, придавленных мертвецом, достигла апогея, и она яростно оттолкнула тело ногами. Труп нехотя сдвинулся, освободив голени и дав девушке возможность, вытащить из-под него ноющие ступни. Вымотанная непрерывным кошмаром, Алиса медленно отползла к креслу и вгляделась в распластанное на полу тело. Это был американец. Тот самый Фрэнк, правда, утром он выглядел намного привлекательнее. Оплывшее лицо, успевшее в духоте покрыться лиловыми пятнами, выглядело устрашающе. Левая сторона головы, развороченная выстрелом в упор, напоминала неряшливый кусок заветренной говядины с торчащими из него раздробленными костями, запекшимися кровью волосами и прочей гадостью.

«Н-да, – подумала Алиса, – выглядит он неаппетитно». Подумала и устыдилась собственных мыслей. «Кажется, я начинаю привыкать к покойникам. По логике я обязана трястись от страха. А я оцениваю их с точки зрения эстетики. Фу!»

Страх, как ни странно, уже не было. Стресс, сотрясавший психику в течение последних двух часов, прошел. Сработали защитные системы организма, и теперь Алиса чувствовала только равнодушие. Тупое, животное, граничащее с идиотизмом. Ей уже не было страшно. Бежать все равно было некуда, да и незачем. Если бы убийца хотел ее прихлопнуть, то у него была на это тысяча и одна возможность. Он же, по всей видимости, специализировался исключительно на мужчинах. А раз так, то...

«Надо позвонить Лейбу», – переключился невидимый тумблер в голове. Словно по команде Алиса поднялась с пола и направилась к рассыпанным по полу книгам, среди них валялась дивная новенькая винтовка с оптическим прицелом. Алиса бездумно подняла ее, повертела в руках, ствол был гладкий, прохладный, на боку название: “Benelly”.

– “Benelly”. Красиво. Из него-то тебя и уконтрапутили, – печально сыренизировала она, обращаясь к покойному гражданину Америки, и бросила оружие на тело Льюиса. И тут же спохватилась:

– Она мне еще пригодится, – и торопливо подняла винтовку.

Ей пришла в голову здравая мысль осмотреть дом Льюиса. На всякий случай. Судя по тому, что она провела здесь не меньше получаса и не слышала ни единого постороннего звука – дом пуст. Но наученная горьким опытом Алиса решительно сжала ствол винтовки и направилась на разведку. Первый этаж, состоявший из холла и небольшой, грязноватой кухни, выглядел необитаемым, в мойке – неряшливая гора невымытых тарелок, на усыпанном засохшими крошками столе – кофеварка с остатками темной бурды. Похоже, Льюис обходился без прислуги. Неслышно ступая, девушка поднялась по узкой деревянной лестнице наверх, где размещались две небольших спальни. Одна, оклеенная мешанскими обоями в мелкий голубой цветочек, со скромной односпальной кроватью у окна, выглядела нежилой. Во второй, с французским окном во всю стену, гигантской кроватью под шелковым покрывалом пошлого розового цвета, царил хаос. Кругом валялись какие-то фотографии, журналы, на полу и тумбочках неряшливо торчали початые бутылки, по стенам развешены фотопортреты самого хозяина, на одном – в полный рост и совершенно голый, на другом – в плавках и на корточках. На фото Льюис выглядел отвратительно: большое круглое брюхо, нависающее над шлангообразным мужским достоинством, обрюзгшее лицо, заросшее синеватой щетиной, мерзко ухмылялось, буравя пространство маленькими похотливыми глазками. Прямо напротив окна Алиса углядела две странные металлические конструкции. Приблизившись, она внимательно осмотрела установленный на штативе мощный фотоаппарат с цейсовским объективом, потом инстинк-

тивно глянула в торчащий рядом телескоп и резко отшатнулась. Судя по тому, что она буквально воткнулась носом в собственную гостиную, где у распростертого на полу, тела Марка двигались две неясные мужские фигуры, господин Льюис увлекался отнюдь не астрономией. И по ночам вместо далеких галактик предпочитал изучать чужие спальни.

– Гадость какая, – прошептала Алиса, и на ее лице появилось выражение безразличия. – Старый извращенец, – бросила она гаденько улыбающемуся портрету Льюиса. – Забавлялся, подглядывая за нами, скотина! Тьфу!

Немного успокоившись, она вновь прильнула к окуляру телескопа, Лейб Фридман уже прибыл и теперь сидел в кресле, разговаривая по телефону. Слов Алиса слышать не могла, но судя по напряженному, красному лицу и энергичным жестам свекра, он был вне себя от гнева. Увидев Лейба, Алиса почувствовала, как улечивается наступившее было спокойствие, и ее вновь охватила паника. Она оказалась в гнусном положении: ее молодой муж (и что самое неутешительное – сын миллиардера) умер от отравления в ее же присутствии, она бросила тело из опасения быть убитой и сбежала в соседний коттедж, где обнаружила застреленного из винтовки американца. И хотя Льюис оказался обычным мелким засранцем, но ведь и за мертвых засранцев заставляют отвечать перед законом по всей строгости. Два убийства и Алиса. Алиса и два убийства. И никакого алиби. И ни одного свидетеля. Что теперь будет? Если следовать логике, то будет полиция, допрос, тюрьма, суд и пожизненное заключение. Вот так карьера! В голове у Алисы помутилось, мысли лихорадочно заматались, ища выход из цейтнота. Бежать? Куда? Без денег, без документов в чужой стране, размером с Московскую область, где полиция с легкостью найдет иголку в стоге сена. Сдаться? Но ее точно посадят. Что же?

Соскочив с места, девушка беспокойно забегала по комнате, ей казалось, она слышит тихое шипение плавающих в мозгу нейронов. Единственное, что она могла сейчас сделать – попытаться убедить свекра в собственной невиновности, рассказать ему все как на духу и если всемогущий Лейб ей поверит, то не даст в обиду. Он должен, должен ей поверить. Иначе она погибла. Решившись, она быстро спустилась вниз, с твердым намерением позвонить Фридману и объяснить всю нелепость чудовищной ситуации.

На сей раз справочник нашелся на удивление легко, он лежал поверх груды рассыпавшихся книг, и, будто напрашиваясь на похвалу, услужливо раскрылся на букве “G”.

«Grindevald, Lauterbrunnen, 77. Точно! Номер коттеджа 77. Марк еще говорил, что семерка счастливое число. Эх, если бы...», – Алиса сглотнула подступившие слезы.

– Телефон 53476073. Слава богу, нашла, – оживилась она, пробираясь к столу за телефоном. По пути она плеснула себе еще виски, для храбрости, и пляшущими от волнения пальцами набрала номер.

– Занято, – растерянно сказала она. – Наверно, в полицию звонит. Господи, да что за это кошмар? За что? Почему я?

Вспомнилось, как в десятом классе она изводила насмешками непомерно толстую Светку Пашкову, как стащила у матери из кошелька тысячу и прогуляла ее с девчонками на дискотеке, как издевалась над Сережкой Артемовым, имевшем несчастье влюбиться в нее в девятом, и как после победы в конкурсе красоты надменно прощалась с лучшей подругой Танькой Зонтиковой, уверенная, что только ей, Алисе Вересаевой, справедливо уготована необыкновенная, головокружительная судьба. И умница-то она (в аттестате только три четверки – по алгебре, геометрии и информатике), и красавица, и танцует как богиня, и в театре мюзикомедии играла горничную из «Летучей мыши». Провожая дочь в Москву, мама ласково погладила ее по голове и тихо сказала: «Боюсь я за тебя. Как бы крылышки не опалили».

Вот и съезились крылышки, судьба безжалостно рассеяла призрачный флер удачливой куколочки и разодрала рубашку, в которой она, как говорили, родилась. Она оказалась лишь незваной гостьей, случайно заглянувшей за радужный занавес жизни богатых баловней судьбы. В тот момент, когда она вообразила себя полноправной участницей праздника жизни, дверь

перед ее носом захлопнулась, обдав затхлым запахом уныния и тоски. В один вечер из беззаботной девчонки она превратилась в жертву. И поделом, ведь говоря откровенно, она понимала, отчего Лейб невзлюбил ее с первого взгляда: он сразу почуял в ней «охотницу за удачей». И был прав. Марка она не любила. Жалела, да. Испытывала благодарность – да. Привязалась к нему – да. Но любить смертника, когда тебе всего девятнадцать? Не чокнутая же она, в конце концов. Да, она решила не упускать свой шанс. Каждый разыгрывает в игре под названием «жизнь» свою карту, кто высокопоставленных родителей, кто пользуется искусством умело приспособливаться, а ее бог наградил счастливой наружностью. Вот она и разыграла свой козырь. Продаваться, так дорого. И кто бы на ее месте отказался от плывущих в руки, сумасшедших денег? И когда она поняла, что романтичный Марк не на шутку влюблен, то нимало не колеблясь «повела молодого человека к браку». Что в этом зорного? Так все девушки мира делают. Только возможности у всех разные, значит разнятся и ставки. Алиса старательно убеждала себя в собственной невинности, и чем больше старалась, тем больше понимала, что совершила низость. Подлость, за которую сейчас приходится платить. Платить по-крупному. Правда, ей казалось, что плата за три месяца безоблачного счастья непомерно высока, но с небесными расценками она была не знакома и потому отчаянно роптала.

– Три месяца счастья. И вот Швейцария выставила тебе счет, – возбужденно бормотала она, не замечая, что разговаривает сама с собой. – Взяла то, что тебе не по зубам. Покайфовала, пора и честь знать. А теперь плати, дурында, по счету.

Она утерла не вовремя раскаявшиеся глаза, обругала себя «дурой» и «ведьмой киевской» (почему киевской она не знала, но так всегда ругалась ее мама, а маме она привыкла доверять) и снова набрала номер.

На этот раз трубку сняли, и рокошующий голоса свекра вызвал у Алисы озноб. Она еле слышно пролепетала:

– Это я, Лейб Афроимович.

– Та-ак, – тон Фридмана сделался угрожающим. – Потрудись объяснить, Алиса, что здесь произошло и где ты сейчас находишься?

– Марк ел рыбу, которую нам прислал в подарок один американец, наш сосед. То есть я так думала, что это он. А на самом деле я не знаю кто... Потом Марк упал и... и умер. Я сидела с ним, вас ждала... П-п-потом мне показалось, что в доме кто-то есть и я убежала, босиком, – Алиса говорила сбивчиво, задыхаясь и останавливаясь.

– Как убежала? Куда? Откуда ты звонишь? – нетерпеливо перебил ее Лейб.

– Сюда. К Льюису. То есть к нашему соседу... Ну, который рыбу... То есть я думала, что это он рыбу...

– Значит, действовала с сообщником. Бог мой, после того как ты ловко охотула сына я знал, что ты дрянь. Но что ты решишься его убить, мне и в голову не приходило. Надоело возиться с инвалидом? Вольготной жизни за мой счет захотелось? Наследница хренова! Я тебя в порошок сотру. Пусть твой любовник везет тебя обратно, черт вас дерит. Я все равно до вас доберусь, твари. Вся полиция уже на ногах, – негодовал Фридман.

– Он не может меня привезти, а пешком я не могу. Ноги обморозила. Распухла, болят очень, – упавшим голосом пробормотала Алиса и вздрогнула от резкого окрика свекра:

– Какого дьявола, он не может?

– Он... он тоже. В общем, его застрелили. Из винтовки. “Venelly”.

В трубке послышался сдавленный возглас и через паузу:

– Сиди на месте. Сейчас за тобой придет Тигран, мой телохранитель. И не вздумай с ним шутить, поняла?

Алиса уронила трубку, тяжело упала на колени и взвыла. Все самые худшие опасения оправдывались, Фридман не верит ни одному ее слову, полиция с минуты на минуту будет в Гриндевальде, ее арестуют, закроют в камеру...

– Ма-а-мочка, спаси меня, м-а-ммочка, – отчаянно голосила она, вцепившись в волосы и царапая себе лицо.

Приступ истерики прошел так же внезапно как начался, на смену отчаянию пришло тупое безразличие. Она в тупике и ничего поделать уже нельзя. Все против нее. Нужно смириться. Потому, когда спустя пятнадцать минут на пороге появился здоровенный детина в летней куртке с плоховыбритыми синими щеками, Алиса покорно встала и, не говоря ни слова, поплелась к выходу.

Мужчина внимательно оглядел комнату, задержал взгляд на трупке, валявшемся среди разбросанных вокруг книг, заметил оружие, перевел взгляд на пустую бутылку из-под виски, удивленно присвистнул и вышел следом.

Бледное лицо девушки, уже сидевшей в машине, мягко светилось в темноте. По дороге к коттеджу Алиса молчала, напряженно уставившись на мерцающую приборную панель.

Охранник тоже помалкивал, искоса поглядывая на ссутулившуюся фигурку девушки, ее необычная скандинавская красота поразила его. Встрепанная, с обкусанными губами, в огромных мужских тапках и болтающемся на худеньких плечах свитере она все равно выглядела божественно. «Тоненькая какая. Аж прозрачная. На русалку похожа, – про себя решил он. – Неужели и впрямь двух мужиков завалила? Босс сказал: сначала мужа, а потом сообщника. Если так, то девка – кремень. Ишь, какая тихоня сидит. На жалость давит. Хотя мне какое дело? Сказали привезти, пожалуйста». Он фыркнул и на всякий случай проверил висящую на левом боку кобуру.

– Полиция уже там? – кротким голосом спросила Алиса, до боли сжав разбитые коленки.

– «Ишь, паиньку из себя строит», – решил про себя Тигран и отрицательно помотал головой.

Метрах в пятидесяти от дома имелась ровная, не засаженная деревьями площадка, где Алиса заметила пузатое тело вертолета с растопыренным, как огромный бант, винтом. Похожий на гигантского головастика вертолет упал в снегу по самое брюхо. Снегопад не унимался.

Когда они въехали во двор коттеджа, она беспокойно заерзала, выдавая недавнее ее волнение. А когда охранник распахнул перед ней дверцу машины, поблагодарила нервным кивком и походкой обреченной поплелась к дому. На пороге остановилась, оглянулась, в глазах мелькнули отчаянный страх, мольба и неопишуемая щенячья тоска. Тиграну стало жаль ее:

– Да нет там никакой полиции. И не будет. Старик решил сначала тихо, по-семейному разобраться, – подбодрил он скисшую прелестницу. – Идите, не съест он вас.

С рвущимся наружу сердцем полуживая Алиса шагнула в прихожую.

«Тихо. По-семейному, – стучали в мозгу слова телохранителя. – Самосуд устроят? Допрос, а потом прихлопнут, как бродячую собаку. Все правильно. Собака околела», – трагически усмехнулась она, – вспомнив знаменитый роман Моэма, который Марк прочел ей в первую неделю их знакомства.

В приглушенном свете зеленоватого бра она видела неподвижную спину, сидевшего в кресле свекра. Банкир съезжился, выставив на обозрение коротко стриженный лысеющий затылок, угрюмо изучая дразнящие языки рыжего пламени в камине. Худое, плоское тело Марка лежало на том самом месте, где оно находилось полтора часа назад, когда очумевшая от страха Алиса бросилась вон из дома. Глаза покойника были чуть приоткрыты, точно он исподволь подглядывал за происходящим.

«Как это? – сердце у нее екнуло. – Я же закрыла ему глаза. Точно помню».

В комнате стоял странный кисловатый запах. В горле запершило.

«Могли бы на диван его перенести. На полу пыльно и нехорошо как-то. Не по-людски на полу», – укоризненно покачала она головой, боясь обнаружить свое присутствие. Прошло

несколько минут, время ползло медленно-медленно, как нескончаемая струйка в песочных часах перед казнью. Фридман не двигался, и она рискнула:

– Я здесь, – робко произнесла девушка и не узнала собственный голос, так пискляво и приниженно он прозвучал.

Фридман не шевельнулся. Продолжая глубокомысленно вглядываться в раскаленную пасть камина, он не обернулся и не проронил ни звука.

«Сволочь, – с тоской подумала девушка, не решаясь приблизиться к грозной фигуре отца Марка. – Его величество меня презирает. Что мне теперь в ноги ему бухнуться? Пощады просить? Так за что? Я ж ни в чем не виновата!» – мысленно подзадоривала она себя, трусливо переминаясь с ноги на ногу.

– Лейб Афроимович, я тут! И я... и мне не в чем перед вами оправдываться, – с отчаянием в голосе начала она, осторожно приблизившись к грозно молчавшему финансисту.

Фридман продолжал упорно смотреть в жерло камина, не достаивая невестку даже словом.

«Может, уснул?» – промелькнуло в голове Алисы.

Озадаченная девушка робко потрогала свекра за плечо, тот не шелохнулся. Пол вокруг мужчины был покрыт странными темно-коричневыми пятнами. Охваченная нехорошим подозрением, девушка обошла кресло и взглянула в лицо свекра. И очередной страшный вопль огласил окрестности Лаутербрюннена. Лицо, шея и грудь мужчины представляли собой вздувшуюся бурю массу, под расплзшимися лохмотьями почерневшей кожи виднелись островки запекшихся кровью багровых мышц, на месте глаз зияли два темных слизистых провала, останки светлой рубашки, оплавленные по краям, обрамляли пятна голой мышечной ткани и выжженную кожу. Задыхаясь от ужаса и отвращения, Алиса схватила мужчину за руку и попыталась нащупать пульс. Безрезультатно. Пульса не было. Банкир был мертв. Убит. Похоже, его искупали в кислоте.

– Смерть, еще смерть. Господи, что же это делается? – в отчаянии крикнула она.

Ни звука в ответ. Неприятный едкий запах раздирал горло, Алиса закашлялась. Оглядевшись, увидела на столе льняную салфетку, схватила ее и закрыла ею нос и рот, чтобы защитить себя от ядовитых испарений. И замерла в нерешительности. Что же дальше? Кроме подглядывающего за ней Марка в комнате никого. Перекрестившись, она осторожно подошла к мужу и прикрыла покойному глаза во второй раз. Отошла, обернулась, убедилась, что Марк больше не следит за ней, и, точно охваченная безумием, прошептала:

– Не хулигань. Мне нужно позвать на помощь, – и выскочила на улицу за Тиграном.

О том что, охранник может заподозрить ее в убийстве босса и немедленно вызвать полицию, она не думала. Было жутко, да так, что кровь буквально стыла в жилах.

– К людям. К людям, – бормотала она, несясь по снегу к машине. – Только не одной. Только не одной, – твердила она одни и те же слова.

В машине никого не оказалось. Алиса ошалело повертела головой, не понимая, куда мог подеваться телохранитель. В дом он не входил. Это точно. Входная дверь напротив гостиной, и она не могла его не заметить.

– Может он в вертолете?

Внезапная догадка принесла некоторое облегчение, и девушка торопливо бросилась со двора, до вертолета минуты три не больше. Задыхаясь, она бегом припустила к механическому насекомому, чьи очертания с трудом различала в снежной мути. Метель не унималась, и она снова увязла в сугробах. Идти было тяжело, но она упорно продвигалась вперед. Страх подстигал. Ей казалось, что маньяк где-то рядом, наблюдает за ней, выжидает и готовится.

– Ой, мамочка, помоги, – тоненько причитала она, пробиваясь сквозь ветер к спасительному вертолету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.